

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ. XX – начало XXI века

Чем значительнее становится историческая дистанция между временем существования Австро-Венгрии и современностью, тем больше возрастает интерес к этому государству. Двудеиная Дунайская монархия создала особую социо-культурную матрицу для народов Центральной и Юго-Восточной Европы, которая впоследствии воспроизводилась в разных ситуациях XX в. Понять современные процессы в странах, хранящих печать габсбургского наследия, невозможно без изучения истоков их “национализмов”, исторического опыта уникальной империи Габсбургов с ее полилингвизмом, общеавстрийским патриотизмом и этнонациональной фрагментацией, сложными формами национальной и имперской идентичности.

Габсбургская монархия существовала в центре Европы почти четыре столетия. Над конгломератом территорий и народов возвышалась правящая триада – династия, армия, бюрократия. В Дунайской монархии на разных социальных уровнях веками складывалась сложная система взаимосвязей, характерными чертами которой были неприятие радикальных действий, готовность к компромиссам и прагматизм. Резкие изменения могли нарушить баланс сил, на котором зиждилась громоздкая конструкция управления монархией.

Как справедливо отмечал австро-венгерский дипломат граф Г. фон Лютцов, политическое решение, с которым соглашались в Вене, могло вызвать неодобрение в Пеште и баррикады в Праге¹. Географическое положение Австро-Венгрии приводило к тому, что любой конфликт в Европе мог затронуть ее государственную безопасность. Лютцов точно подметил специфику австро-венгерской политики: “Страх перед кокетством отдельных граждан государства с заграницей был постоянной проблемой любого австрийского правительства; он был червем, который беспрестанно разъедал наши жизненные силы и нервы, в конце концов, привел нас к распаду. Это относится в равной степени к немцам, чехам, южным славянам, итальянцам и румынам”².

Исторический опыт Дунайской монархии сопоставим с Россией. В империях Запада метрополии были отделены от провинций океанами, а модернизация в центре давала импульсы глобальным колониационным процессам. Однако две империи на европейском Востоке – Российская и Австро-Венгерская, раскинули свои владения на континенте. Первая вобрала в себя большую часть Евразии, вторая – Центральную Европу и часть Балкан. К началу периода модернизации 1860-х годов огромная Россия и крупная Австро-Венгрия сложились как имперские государства, исторически отстававшие от лидеров – Великобритании и Франции. Хотя монархия Габсбургов была более интегрирована в систему европейских коммуникаций, чем монархия Романовых, ритмы их развития до середины 1860-х годов во многом совпадали: обе прошли тяжелые испытания

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-архивного института (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ.

¹ *Luetzow H.* Im diplomatischen Dienst der k.u.k. Monarchie. Wien, 1971. S. 21.

² *Ibid.*, S. 156.

на прочность, Россия пережила Крымскую войну, Австрия – войну с объединявшейся Италией. Экзистенциальные вызовы заставили и Габсбургов и Романовых начать либеральные реформы. Но у каждого из этих государств было свое понимание компромисса как основного механизма функционирования многосоставного государства, свои пределы допустимых уступок на пути ограничения имперской власти.

Уже в 1870-е годы имперская власть в России сделала свой выбор в пользу консервативного охранительства. Австро-Венгрия, напротив, вступила в эпоху длительных конституционных экспериментов. Развитие ее парламентаризма и либерально-конституционных основ было подчинено поиску оптимальной модели сосуществования национальностей под скипетром Габсбургов. Как ни одна другая европейская держава, она столкнулась с мощным пришествием национализма, ставшим самым серьезным вызовом за всю историю ее существования. Двудеиная монархия превратилась в своеобразную лабораторию, в которой ставились многочисленные эксперименты, направленные на поиск межнационального консенсуса. Но политическая реальность оказалась настолько жесткой и динамичной, что все эволюционные проекты потерпели неудачу. Дунайская монархия, также как и Российская, Германская и Османская империи рухнула, опаленная огнем Первой мировой войны. Если Россия, пройдя сквозь ужасы гражданской войны и интервенции, вновь смогла возродиться как многосоставное полиэтничное государство – СССР, то монархия Габсбургов под действием глубокой эрозии, вызванной разнообразными национальными движениями, распалась на национальные государства.

Цель статьи состоит в том, чтобы дать общее представление о комплексном изучении монархии Габсбургов в современной историографии Австрии, Великобритании, Германии и США; рассмотреть направления и школы этой общей научной среды, ее методологические позиции, традиции и новаторские подходы. Предложенная попытка выделить периоды в развитии зарубежной историографии от межвоенного времени до современности не претендует на универсальность, но позволяет систематизировать основные направления научных исследований.

Из огромного количества трудов, созданных почти за 100 лет, были выбраны крупные работы, которые, содержат новые концептуальные объяснения исторических фактов и событий; они стали своего рода интеллектуальными прорывами. Рамки статьи не позволяют сосредоточить внимание на российской историографии и историописании стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Это тема отдельного исследования, тем более что российская интеллектуальная традиция тесно связана с национальными историографиями региона. Советские и современные российские исследования истории монархии Габсбургов, в целом, оставались “*terra incognita*” для западной историографии³.

МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМА “ИСТОРИЧЕСКОЙ ВИНЫ” МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

После распада Австро-Венгрии произошел интеллектуальный разрыв между прежней монархической историографией и новыми научными школами в государствах, возникших на ее руинах. Место габсбургской политической мифологии и историографии заняла апологетика национально-освободительных движений, сбросивших гнет монархии Габсбургов. Прошлое и настоящее скреплялось в одних случаях печатью “исторической вины” Габсбургов, в других – “триумфальной победы” над ними. На этой основе в историческую память закладывались новые моральные императивы и мотивации, создавались отличавшиеся от прежних символы коллективной идентичности, образы жертв и героев.

У каждой из сторон была своя логика политического мифотворчества. Если в новых государствах создавался нарратив героической борьбы за национальное освобож-

---

³ Islamov T., Miller A., Pavlenko O., Glazkova M., Romanenko S. Soviet Historiography on the Habsburg Empire. – Austrian History Yearbook, v. XXVI. Minnesota, 1995, p. 165–188.

дение, то в поверженной метрополии господствовали иные настроения. Это была смесь ностальгии по “старой доброй монархии” и болезненный поиск ответов на вопросы, волновавшие тогда Европу: кто виноват в глобальной военной катастрофе и почему рухнули великие империи – столпы мирового порядка?

В 1920–30-е годы в Германии, Австрии, Франции, Великобритании были изданы многотомные сборники дипломатических документов⁴. Прежние донесения и соглашения, хранившиеся под грифом “секретно”, частная переписка членов династических домов, их личные дневники, корреспонденция императоров, мемуары высших сановников – все эти осколки довоенной Европы и старой дипломатии были вынесены на суд общественности⁵.

Первая республика в Австрии, созданная социал-демократами, столкнулась с тяжелейшим экономическим и, главное, ментальным кризисом. Постимперский синдром проникал во все слои общества. Но проблема австрийской идентичности так и осталась неразрешимой в межвоенный период. Ни общество, ни историческая наука не смогли тогда выработать общего понимания имперского прошлого⁶. Многие историки в поиске лучшей доли покинули страну. Оставшиеся были гораздо в большей степени заняты обоснованием причин распада монархии, чем формированием исторического нарратива для постимперской коллективной идентичности. Независимо от оценки монархии, тема “вины за ее распад и причин этого распада” приобрела самодавлеющее значение.

В центре внимания оказался не старый император Франц Иосиф I – патриархальный символ рухнувшей монархии, а императорско-королевское министерство иностранных дел, на которое и возлагалась основная вина за политику, приведшую к катастрофе. Историки исследовали организационные и правовые основы дипломатии, личные взаимоотношения при дворе и правительстве⁷. Постепенно закреплялось представление об ошибочной внешней политике как основной причине распада Австро-Венгрии.

Но высказывались и другие мнения. В книге А. Фишеля “Панславизм до Первой мировой войны” были систематизированы все мнения в австро-немецкой литературе относительно славянских движений. До войны Фишель интересовался конфликтом вокруг языковой проблемы⁸. Под влиянием поражения в войне и распада государства он написал объемный труд, в котором стремился доказать, что основные причины краха крылись в панславистском заговоре. Нити заговора из Санкт-Петербурга тянулись в Галицию, на Балканы, в Вену, Прагу, Любляну, Загреб. Но реальных доказательств автор привести так и не мог, ограничиваясь в основном цитированием медийных источников и брошюр сомнительного свойства. В его интерпретации в Европе накануне Первой мировой войны существовала мощная агентурная сеть панславистов, которая возбуждала национализм и сепаратизм австрийских славян. Несмотря на очевидную идеологиза-

---

⁴ *Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914*. Wien, 1915; *Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum Österreich-Ungarischen Rotbuch*, Bd. 1–3. Wien, 1919; *Zur europäischen Politik 1897–1914. Unveröffentlichte Dokumente*, Bd. 1–5. Berlin, 1919; *Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch im Auftrage des Bayerischen Landtages*. München – Berlin, 1922; *British Documents on the origins of the war. 1898–1914*, v. 1–11. London, 1926–1938; *Österreich-Ungarn Aussenpolitik von der bosnien Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914*, Bd. 1–9. Wien – Leipzig, 1930.

⁵ Briefe Kaiser Franz Josephs I. an seine Mutter 1838–1872. München, 1930; *Burckhardt C. Erinnerungen an Wien 1918–1919*. – Sonntagsblatt der Basler Nachrichten, 4.I.1931; *Burckhardt C. Reden und Aufzeichnungen*. Zürich, 1952.

⁶ *Hanisch E. Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. Österreichische Geschichte. 1890–1990*. Wien, 1994. S. 157–160.

⁷ *Kautsky K. Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch: Vom Attentat in Sarajewo bis zum Eintreffen der serbischen Antwort in Berlin*. Berlin, 1922; *Albers D. Reichstag und Aussenpolitik von 1871–1879*. Berlin, 1927; *Mayr J.K. Geschichte der Österreichischen Staatskanzlei im Zeitalter des Fürsten Metternich*. – Inventare des Wiener Haus-, Hof-, und Staatsarchivs. Wien, 1935.

⁸ *Fishel A. Materialien zur Sprachenfrage in Oesterreich*. Brünn, 1902; *idem. Der Panlawismus bis zum Weltkrieg*. Stuttgart – Berlin, 1919.

цию, книга Фишеля стала заметным общественным явлением. Под ее влиянием в среде западных славистов укоренился миф о “панславистской угрозе”.

Иной взгляд на тему “вины” предложил Й. Редлих, сосредоточив внимание на государственно-правовой ситуации в монархии в отношении “*Volksstämme*” (народных племен, как тогда называли национальные общности)⁹. Нерешительность и половинчатость реформ привели к тому, что монархия балансировала между “не полностью реализованным централизмом” и “полуфедерализмом”. Но и проект федерализации – кредо славянских политиков, в правовом отношении был плохо разработан и не мог стать эффективным инструментом перестройки монархии в либерально-конституционную федерацию. Критический настрой австрийской историографии межвоенного периода смешивался с острой ностальгией по имперским временам. Несмотря на все усилия социал-демократов Первой республики, контраст между прежней и новой жизнью оказался очень большим; сравнение было явно не в пользу новых времен. Возможно, это стало причиной того, что в межвоенный период в Австрии не было создано крупных концептуальных трудов, а усилия историков сосредоточились в основном на публикациях документов имперского прошлого.

ПЕРИОД “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

На историографическую ситуацию после Второй мировой войны оказывал воздействие ряд факторов. Во-первых, оккупированная союзниками Австрия оказалась в фокусе повышенного внимания советской и американской дипломатий. Обе сверхдержавы хорошо понимали геополитическое и символическое значение Вены для народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Процессы советизации и установления прокоммунистических режимов в этом регионе обострили вопрос о судьбе исторического наследия Австро-Венгрии. Большая часть стран Центральной и Юго-Восточной Европы находилась в зоне советского влияния. Австрия оказалась на границе двух мировых систем. После тяжелого дипломатического противостояния между СССР и США, длившегося 10 лет, мирный договор был подписан. Австрия обрела суверенитет и вместе с ним – нейтральный статус¹⁰.

Все это привело к политизации темы Габсбургской монархии и к серьезному размежеванию методологических позиций между историками Востока и Запада. В условиях “холодной войны” постановка темы Австро-Венгрии как интеграционного ядра народов Центральной и Юго-Восточной Европы приобретала значение исторического вызова.

Послевоенное австрийское общество остро нуждалось в формировании новой коллективной идентичности, которая освободила бы его от устойчивых представлений о “тевтонской расе” и германо-австрийской культурно-исторической общности. Требовалось, по определению австрийского академика А. Вандрушки, “самоочищение”, чтобы осознать свое место в мире и по-новому осмыслить историческое прошлое, восстановив континуитет между монархией Габсбургов и Второй Республикой¹¹.

В 1950–60-е годы развернулись дискуссии между сторонниками европейского федерализма и защитниками национального суверенитета. Начинался новый процесс европейской интеграции. В этом контексте монархия Габсбургов стала рассматриваться как одна из долговременных моделей сосуществования европейских народов. Такой

---

⁹ *Redlich J.* Das Österreichische Staats- und Reichsproblem. Geschichtliche Darstellung der inneren Politik der habsburgischen Monarchie von 1848 bis zum Untergang des Reiches, Bd. 1. T. 1. Leipzig, 1920. S. 141–164.

¹⁰ *Ruggenthaler P.* Warum Oesterreich nicht sowjetisiert werden sollte. – Die Rote Armee in Österreich. Graz – Wien – München, 2005. S. 61–91; *Pavlenko O.* Österreich im Kraftfeld der sowjetischen Diplomatie. – Ibid. S. 565–603.

¹¹ *Wandruszka A.* Planung und Verwirklichung. – Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd.1. Wien, 1973. S. XII.

подход был актуализирован переменами в Европе, нужно было его осмыслить, выработать новую матрицу анализа.

В послевоенные годы в западной историографии стало набирать силу направление, исследовавшее формы национализма с применением методов социальной психологии и историко-социологического анализа. Мультиэтнический материал Австро-Венгрии стал для исследователей источником сравнительных аналогий и обобщений. На его основе исследователь из Англии К. Дойч систематизировал формы национального сознания¹². Английский ученый Э. Баркер, сопоставляя “биологически неизменную природную сущность” и мобилизационные навыки общества, сравнивал имперский опыт Великобритании и Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов рассматривалась им как искусственно созданный конгломерат культур, языков, традиций, не связанных общей исторической основой, без внутреннего скрепляющего стержня. Удержать все эту конструкцию можно было только авторитарными методами. Встав на путь парламентаризма, государственная власть обрекла себя на внутреннюю эрозию и будущий распад государства¹³. Правда, такой критический подход не привился в научных интерпретациях габсбургского прошлого.

Первая фаза становления историографии Австро-Венгрии заняла в Австрии примерно 20 лет – с начала 1950-х до начала 1970-х годов. Постепенно формировалась сеть университетских и академических центров, которые приступили к разработке общих концептуальных основ и понятий. В начале этого пути стояли двое ученых, благодаря личному энтузиазму и научному авторитету которых развернулась масштабная исследовательская программа. Это были профессор новейшей истории Венского университета Х. Хантч и американский ученый австрийского происхождения Р. Канн.

Когда в 1952 г. была вновь создана Австрийская академия наук, Фонд Дж. Рокфеллера предложил основать международный центр по изучению Австро-Венгрии. В Вене было открыто представительство фонда, которое возглавил Хантч, автор первой послевоенной “Истории Австрии”¹⁴. В 1957 г. он посетил более 20 американских университетов, чтобы привлечь ученых, эмигрировавших в США из Центральной Европы. В рамках Американской исторической ассоциации был учрежден Комитет США по поддержке исследований Габсбургской монархии, председателем которого стал Канн.

Труды Канны оказали влияние на становление нового направления в историографии США и Австрии. Канн заложил новый подход в изучении национализмов малых народов Австро-Венгрии¹⁵. В центр внимания он поставил проблему “компромисса” как ключевого фактора в понимании внутренней логики государства. Компромисс определял отношения Центра с национальными провинциями, был регулирующим принципом во взаимоотношениях династии с бюрократией, религией, армией, аристократией. Канн доказывал, что монархия была не “тюрьмой народов”, а их общим домом, в котором национальные общности развивались в сравнительно благоприятных политических и экономических условиях¹⁶.

¹² *Deutsch K.W.* Nationalism and Communication. London, 1953, p. 7–10, 155.

¹³ *Barker E.* National Character and the factors in its formation. London, 1948, p. 248–249, 254.

¹⁴ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs, Bd. 1–2. Graz – Wien, 1950.

¹⁵ *Stourzh G.* The Multinational Empire Revisited: Reflexions on the Late Imperial Ausria. – *Ausrian History Yearbook*, 1992, № 23, p. 1–22.

¹⁶ *Kann R.A.* Multinational Empire. New York, 1950; *idem.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918, Bd.1–2. New York, 1950; *idem.* Werden und Zerfall des Habsburger-Reiches. Graz, 1961; *idem.* Kaiser Franz Joseph und der Ausbruch des Weltkrieges. – *Sitzungsberichte der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften*, 274/3. Wien, 1974; *idem.* Erzherzog Franz Ferdinand Studien. Veröffentlichung des Österreichischen Ost- und Suedosteuropa-Instituts. Wien, 1976; *idem.* Deutschlands und das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie aus oesterreichischer Sicht. – *Deutschland und Oesterreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch.* Wien, 1980; *idem.* Geschichte des Habsburgerreichs 1526–1918. Wien, 1982.

Другой американский ученый, эмигрировавший в США из Австрии, К. Шорске, написал классический труд о венской эпохе “Fin de siècle”¹⁷, открыв дискуссию о корнях австрийского модерна и специфике модернизации монархии Габсбургов¹⁸.

В 1958 г. Хантч совершил поездки по университетам и исследовательским центрам Великобритании, Франции, Швейцарии. Австрийские ученые стремились вывести проблематику Австро-Венгрии на международный уровень. Был подготовлен меморандум из 13 пунктов “Габсбургская монархия и проблема наднационального государства”, ставший основой деятельности новой Комиссии по истории Австро-Венгерской монархии в системе Академии наук, которую возглавил Хантч. В послевоенной Австрии общественный запрос на реконструкцию имперского исторического прошлого был поддержан государственной властью, понимавшей важность его переосмысления в исторической памяти общества. На первом этапе было невозможно отделить мифографию о “великом государстве” и научные методы. В академических исследованиях структуралистско-эмпирический подход пронизывали ностальгические рефлексии.

В мае 1960 г. Хуго Хантч выступил в Австрийской Академии наук с программным докладом о перспективах изучения Габсбургской монархии¹⁹. На его основе был разработан проект исследования общего исторического прошлого с привлечением историков Запада и Востока Европы, представленный на XI Международном Историческом конгрессе в Стокгольме. На очередном конгрессе в Вене в 1965 г. проблематика Австро-Венгрии впервые была включена в программу и вызвала серьезную полемику между сторонниками концепции “общего государства и общеавстрийской идеи”, с представителями стран Восточной Европы, которые выступали за усиление национального компонента, а также учеными немецкого направления “остфоршунга”. Первый опыт больших дебатов показал, насколько различны позиции национальных историографий в восприятии прошлого своих народов.

Шестидесятые годы прошли под магией исторических юбилеев – 50-летие начала и окончания Первой мировой войны; 100-летие Австро-Венгерского Компромисса 1867 г.; 50-летие распада монархии и образования новых государств. В память об этих датах собирались международные конференции и издавались крупные коллективные труды²⁰.

Наиболее яркой из них стала конференция “Национальная проблема в Габсбургской монархии в XIX веке: критическая переоценка”, организованная в 1966 г. в Блумингтоне (США) Чарльзом и Барбарой Елачич. Австрийская и американская школы изучения Австро-Венгрии уже тогда смогли сформировать общую научную среду. В США сложилась разветвленная инфраструктура научных центров – Комитет США по поддержке исследований по истории Габсбургской монархии; Русский и Восточноевропейский Институт университета Индианы; Райс Университет. Важную роль в двустороннем сотрудничестве играли периодические издания – журнал “Австрийский исторический ежегодник”, издававшийся в США с 1960 г., а также серия “Исследования по истории Австро-Венгерской монархии” под эгидой Австрийской академии наук.

К середине 1960-х годов был успешно разработан комплексный подход в осмыслении исторических процессов; понятие “габсбургские исследования” (Habsburg

---

¹⁷ “Fin de siècle” – “конец века” (франц.). Так называют период 1890–1920 гг. в истории европейской культуры; в России он известен как Серебряный век.

¹⁸ Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: политика и культура. СПб., 2001.

¹⁹ Hantsch H. Das Forschungsprojekt zu einer Gesamtdarstellung der Geschichte und Kultur der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. – Anzeiger der Österreichisch-Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1960, № 13. S. 65–74.

²⁰ Der österreichisch-ungarische Ausgleich von 1867. Vorgeschichte und Wirkungen. Wien – München, 1967; Die Auflösung des Habsburgerreiches: Zusammenbruch und Neuorientierung im Donaauraum. Wien, 1970.

Studies) стало общеупотребимым. Его использовали не только австрийские и американские авторы, но и ряд чешских, венгерских, югославских, румынских и польских ученых²¹.

Но историографический образ “старой, доброй монархии” был мифологизирован, воссоздавался в патерналистских тонах. Превозносилось династическое государство, в котором Дом Габсбургов с гибкостью, компромиссностью и толерантностью управлял всеми нациями и социальными группами²². В этой идеальной конструкции уместно звучал вопрос, поставленный американским исследователем, выходцем из Австрии Г. Коном: “Был ли крах неизбежным?”²³. Кон был убежден, что панславизм изнутри взорвал благополучную жизнь монархии. Современный ему “Восточный блок” под руководством СССР он характеризовал как реальное воплощение “русского панславизма” середины XX в.

В 1960-е годы возрос интерес к внешней политике, но не столько в концептуальном плане, сколько к фактологической детализации. Исследовался социальный и национальный состав министерства иностранных дел²⁴, правовые основы дипломатии²⁵, формы и методы пропаганды в австрийском обществе и за границей²⁶. В труде британского историка Ф.Р. Бриджа были впервые проанализированы национальные мотивы принятия внешнеполитических решений в монархии²⁷. Бридж доказал, что после 1867 г. венгры преобладали в министерстве иностранных дел; они и сыграли решающую роль в утверждении прогерманского внешнеполитического курса.

Вторая фаза комплексных исследований пришлось на начало 1970-х годов, когда стал разрабатываться масштабный проект “Габсбургская монархия 1848–1918”.

Планировалось издать 9 томов, которые охватывали бы экономическое развитие, социальную структуру, географические и этнические основы, развитие конституционной жизни, политические идеи и партийное строительство, управление и правовую структуру, внешнюю политику, культурную жизнь, роль династии, аристократии и бюрократии. Но с течением времени этот замысел был изменен.

После смерти Хантча инициатива перешла к академику Вандрушки. Первый том по экономике был издан в 1973 г.²⁸ Авторы развернули объемную картину индустриализации, выделили фазы подъемов и финансовых кризисов, рассмотрели региональный, земельный, общегосударственный уровни. Второй том был уже посвящен управлению и праву в Габсбургской монархии²⁹. В центре внимания оказался феномен австрийской бюрократии, представлявший собой особый общественный слой, на который опиралась государственная система. Этот слой отличался образованностью, габсбургским патриотизмом, высоким социальным престижем³⁰.

---

²¹ The Nationality Problem in the Habsburg Monarchy in the Nineteenth Century: a Critical Appraisal, p. 1–3, v. III. Houston (TX), 1967.

²² Kann R. The Dynasty and the Imperial Idea. – Ibid., p. 11–32.

²³ Kohn H. Was the collapse inevitable? – Austrian History Yearbook, 1968, № 3/3, p. 250–263.

²⁴ Preradovich N. Die Führungsschichten in Österreich und Preussen (1804–1918). – Veröffentlichungen des Instituts fuer Europäische Geschichte, Bd. 2. Mainz – Wiesbaden, 1955; Sieder E. Österreichs Botschaftler und gesandte zwischen Wiener Kongress und Erstem Weltkrieg. Wien, 1969.

²⁵ Engel-Janosi F. Der Monarch und seine Ratgeber. – Probleme der Franzisko-Josephinischen Zeit 1848–1916. Wien, 1916. S. 9–24.

²⁶ Kossina M. Die Rotbücher der österreichisch-ungarischen Monarchie. Wien, 1946; Rottensteiner F. Das Litetarisches Büro. Pressepolitik, Organisation und Wirksamkeit 1877–1918. Wien, 1967; Naujoks E. Bismarks auswärtige Pressepolitik und die Reichsgründung (1865–1871). Wiesbaden, 1968; Krebs B. Die westeuropäische Pressepolitik der Ära Beust (1865–1871). – Göppinger Akademische Beiträge, Göppingen, 1970, № 5.

²⁷ Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866–1914. London – Boston, 1972.

²⁸ Die wirtschaftliche Entwicklung. Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. 1. Wien, 1973.

²⁹ Verwaltung und Rechtswesen. Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. 2. Wien, 1975.

³⁰ Wandruszka A. Ein vorbildlicher Rechtsstaat? – Ibid.. S. X–XIII.

Изучение государственно-правовых основ монархии неизбежно вызывало споры о сущности самой формы управления. До введения дуализма в 1867 году в официальном делопроизводстве и общественной лексике использовался термин “Австрийская империя”. Но с созданием уникального двойного государства, в котором каждая часть имела собственную систему управления, а над ними возвышался наднациональный, имперский уровень власти, неизбежно вставал вопрос: Была ли Австро-Венгрия империей? Роберт Канн предложил новый подход, чтобы выйти из бесконечного круга дискуссий. Вместо традиционной дихотомии “национальный” – “антинациональный” он сделал акцент на государственно-правовую аргументацию по линии “национальный – наднациональный”³¹. Важно было преодолеть инерцию в восприятии “национализма” как базового фактора модерна и переместить акцент на экономические, политические, правовые и культурные механизмы, приводившие в движение всю государственную жизнь.

Появление книги итальянского ученого К. Магриса, в котором автор исследовал зарождение габсбургского мифа, формы общественных репрезентаций династии и восприятие власти в имперском пространстве на основе литературных произведений и изобразительного искусства, стало интеллектуальным прорывом³². Это было первое исследование, созданное на основе исторических и культурологических методов.

С накоплением эмпирического материала постепенно стал намечаться отход от габсбургской мифографии. Росло понимание, что монархии была более свойственна модель “мир-безопасность-правосудие”, чем демократическая триада “свобода-равенство-братство”³³.

В историографии усилился интерес к “культуре функциональной гуманизации жизни”³⁴. Особое место заняли труды венгерского ученого П. Ханака³⁵. Большой знаток истории и культуры региона, он обобщал понятие “центральноевропейская идентичность” как отражение общности народов Центральной Европы, скрепленной системой габсбургских символов и кодов, независимо от внутренних конфликтов и фобий. В пространстве монархии складывались нормы и традиции взаимного существования на основе консенсуса между национальными элитами и династией. По мнению Ханака, осознание общей исторической судьбы было для народов Центральной Европы формой самозащиты от потенциальной угрозы со стороны великих держав с Запада и Востока³⁶.

Идеи Ханака нашли отражение в третьем томе проекта “История Габсбургской монархии 1848–1918”. Работа над такой сложной темой растянулась на 5 лет и была завершена только в 1980 г. Были изданы две части одного тома под общим названием “Народы империи”, что свидетельствовало о продолжении острых дискуссий от-

³¹ *Kann R.* Die Habsburgermonarchie und das Problem des Übernationalen Staates. – *Ibid.*, S. 2.

³² *Magris C.* Il mito absbugico nella letteratura austriaca moderna. Torino, 1963; *idem.* Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg, 1966.

³³ *Kiss E.* Der Tod der k.u.k. Weltordnung. Ideengechichte Österreichs um die Jahrhundertwende. – *Forschungen zur Geschichte des Donaumaumes*, № 8. Wien, 1986. S. 227; *Bled J-P.* Franz Joseph. Der letzte Monarch der alten Schule. Wien, 1988. S. 562.

³⁴ *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. – *Oestreichische Geschichte 1804–1914*. Wien, 1997. S. 15

³⁵ *Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900–1918*. Budapest, 1966; *idem.* The First Attempt at the Austro-Hungarian Compromise 1860. – *Études Historiques Hongroises*, № 1, Budapest, 1975, p. 567–600; *Hanák P., Szasz Z.* Ungarn in der Donaumonarchie. Probleme der bürgerlichen Umgestaltung eines Vielvoelkerstaates. – *Schriftenreihe des österreichischen Ost- und Südosteuropainstituts*, № 10. Wien, 1984; *idem.* Gab es mitteleuropäische Identität in der Geschichte? – *Europäische Rundschau*, № 14, 1986. S. 115–123; *idem.* Probleme der Krise des Dualismus am Ende des 19. Jahrhunderts, – *Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie*. S. 337–387.

³⁶ *Hanák P.* Gab es mitteleuropäische Identität in der Geschichte? – *Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie*. S. 123.

носителем геополитических, национальных и культурно-географических смыслов пространства Габсбургской монархии³⁷. Рассматривалось политическое, правовое, социокультурное, демографическое и экономическое развитие народов монархии, как титульных (немцев и венгров); так и основных (чехов, поляков, евреев, русинов, румын, хорватов, сербов, словаков, словенцев, итальянцев). Австрийский историк Г. Штурц показал, как нарастала в законодательной сфере борьба за национальное равновесие. Он проанализировал комплекс законодательств о правовом положении национальных групп и еще раз подтвердил мнение Канны об их лоббистских возможностях.

В 1980-е годы появились комплексные исследования по внешней политике. Сильный импульс был дан Комиссией по международному праву и международным отношениям при Австрийской академии наук, осуществившей обширное издание дипломатических документов из Государственного архива Австрии³⁸. Определенное влияние оказала смена приоритетов в западногерманской историографии, которая смогла постепенно преодолеть табу на темы о дипломатии Бисмарка и Второго германского рейха³⁹. Подъем интереса к внешней политике вызвал динамичное изучение австро-германской союзнической дипломатии рубежа XIX–XX вв. Были пересмотрены жесткие оценки межвоенного периода. Важно было понять не только роль союза Германии и Австро-Венгрии в большой европейской политике, но и его влияние на расклад сил внутри монархии.

В “империи национальностей” (термин Канны) ни одна из них не имела абсолютного большинства. Невозможно было проводить внешнюю политику, которая пользовалась бы полной поддержкой населения. Внешняя политика была прерогативой элит, тесно связанных с двором и высшей бюрократией, но медленно и неотвратимо к рубежу веков утрачивала свою значимость из-за возраставших внутренних проблем⁴⁰. Было еще раз подтверждено, что внутренние разломы монархии, по сути, подчинили себе процесс принятия внешнеполитических решений. Это в корне меняло понимание сути дипломатии Австро-Венгрии.

Австрийский исследователь О. Бруннер в книге “Австрийский Дом и Дунайская монархия” показал, что в высшей сфере не было консенсуса. Он проанализировал противостояние между Шенбрунном – резиденцией Франца Иосифа и Бельведером – резиденцией наследника Франца Фердинанда. Историк исследовал две линии политического поведения, два разных подхода, два видения будущего монархии. Разработка проекта “Соединенных штатов Большой Австрии” в Бельведере, надежды австрийских либералов на кардинальные реформы при новом императоре – все осталось в прошлом. Бруннер доказывал, что балканская политика Австро-Венгрии была не столько первопричиной ее распада, сколько неизбежным следствием общего процесса политической дезинтеграции, в том числе и в сферах высшей политики⁴¹.

Традиционно австрийская историография уделяла повышенное внимание взаимоотношениям с Германией. Тема российско-австрийских дипломатических отношений оставалась слабо изученной. Возможно, идеологические установки, укоренившиеся с межвоенного времени, оказывали инерционное воздействие. Постепенно миф о панславистском заговоре превратился в устойчивый концепт, который уже не требовал дока-

³⁷ Die Völker des Reiches. Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd.3. Wien, 1980.

³⁸ Verosta S. Kollektivaktionen der Mächte des Europäischen Konzerts 1886–1914. – Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, № 510. Wien, 1988.

³⁹ Stein P. Die Neuorientierung der österreichisch-ungarischen Aussenpolitik 1895–1897. Ein Beitrag zur europaischen Buendnispolitik im ausgehenden 19. Jahrhundert. – Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft, Göttingen, 1972, № 44. S. 7–21; Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidungen 1867–1871. Frankfurt a. M. – Berlin – Wien, 1979.

⁴⁰ Kann R. Dynasty and the Imperial Idea. S. 1337.

⁴¹ Brunner O. Das Haus Österreich und die Donaumonarchie. – Südost-Forschungen, 1955, № 14. S. 122–144.

зательств. Так, Канн акцентировал внимание на факторе внешней опасности, которую остро ощущали в Вене. Он считал, что компромисс 1867 г., как и австро-германский союз 1879 г., были продиктованы страхом перед “империалистическим панславизмом” России. После Бисмарка внешняя политика Германии вместе с балканскими стратегиями Австро-Венгрии только усиливали конфликт с Россией⁴². Продолжая развивать одностороннюю концепцию о панславистском заговоре, он подчеркивал, что сам факт панславизма делал невозможным для Вены стратегический союз с Санкт-Петербургом. “Русская угроза” так и осталась устойчивым клише австрийской историографии⁴³. Хотя никто не отрицал, что не только славянский, но и румынский, итальянский ирредентизм, вызывали мнительность и предубеждение Вены в отношениях с соседними государствами – Россией, Румынией, Сербией и Италией⁴⁴.

Таким образом, в 1950–80-е годы во главу угла был поставлен исторический процесс, в котором каждая национальная группа рассматривалась как микрокосмос в своем культурном, экономическом, внутривнутриполитическом и внешнеполитическом развитии. Историческая модель Габсбургской монархии реконструировалась как сложная система взаимодействий многочисленных компонентов государства на разных уровнях – изолированно или тесно переплетаясь, они создавали отдельные или общие, в различных сочетаниях, балансы сил⁴⁵.

В 1950–80-е годы австрийская историография смогла сформировать целостную концепцию государственного развития монархии Габсбургов, детально реконструируя экономические и политические процессы, национальные конфликты и общегосударственные установки. Многотомные исследования и издания источников создали фундамент, на котором был возведен монументальный образ исчезнувшего государства. Это был как раз тот случай, когда исторические исследования волей-неволей становятся инструментом коллективной идентичности, восполняют бреши и разрывы в исторической памяти общества.

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В 1990–2000-е годы

Глобальные трансформации, вызванные распадом СССР и социалистического блока, разрушали государственные и идеологические границы в научном гуманитарном пространстве. Идеи и методологии, взаимопроникая и дополняя, создавали новые направления и категории. Эмпирическо-аналитические исследования зачастую не успевали за стремительной модернизацией понятий. Междисциплинарные методы открывали перспективы концептуальных обобщений и аналогий, хотя подчас академическим рефлексиям не хватало основательной источниковой основы. Тем не менее, можно констатировать, что за последние 20 лет произошел интеллектуальный прорыв в исследованиях монархии Габсбургов.

Существенно усилились позиции конструктивистов, отказавшихся от классической структуралистской схемы, что вызвало переход от “описательных” к “рефлексивным” интерпретациям, с целью глубже проникнуть в суть явлений⁴⁶. Наиболее ярко это направление представлено научной школой академика М. Чаки, возглавляющего Комиссию по истории культуры и театра Австрийской академии наук. Чаки создал среду единомышленников, объединившую центры Австрии, Германии, США, Италии, стран Центральной Европы. В основе разработанного им “антикварного” подхода лежит пред-

⁴² Ibid., S. 32.

⁴³ Pavlenko O. Russland und die Donauslaven (1848 bis 1971). – Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas. Wien – Köln – Weimar, 1996. S. 156–178.

⁴⁴ Kann R. Dynasty and the Imperial Idea. S. 1330.

⁴⁵ Ibid., S. 1337.

⁴⁶ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М., 2011, с. 359–360.

ставление о функционализации культуры в многосоставном государстве. Отсюда особая значимость “памяти культуры”, ее цементирующей связи в формировании коллективных общностей вплоть до современности. Этот подход в австрийской историографии возник на основе синтеза историко-социологических, историко-антропологических и культурологических методов.

В центре внимания конструктивистского направления – история эмоций. Поэтому так интересен феномен австрийского модерна с его “вибрирующей смятенностью”, когда люди пытались любыми способами быть открытыми, свободными, раскованными, чтобы выжить в бесчисленных установках и обременительных условиях монархии. В серии исследований на основе анализа произведений живописи, архитектуры, поэзии и музыки реконструировалось субъективное восприятие кризиса модерна⁴⁷.

Модернизация монархии Габсбургов была успешной в экономической сфере, когда улучшилось качество жизни, но вместе с этим произошло разрушение традиционных феодальных структур, исчезали вековые нормы, существовавшие на безусловном уровне.

Большой интерес в 2000-е годы вызвала тема государственной власти и династического мифа. В совместных проектах Чешско-немецкой и Словацко-немецкой комиссий историков исследовалась габсбургская иконография – героическая интерпретация биографий правителей из дома Габсбургов⁴⁸. Важно было понять, какие концепты закладывались в литературных, художественных и монументальных образах Габсбургов. В книге В. Телеско исследовались формы выражения “общей государственной идеи” в литературных произведениях, изобразительном искусстве, архитектуре, памятниках, топонимике городов и улиц, поздравительных и видовых открытках, декоративных орнаментах вокзалов и опер. Динамика “кодирования общественного пространства” как государственный заказ на углубление чувств лояльности и патриотизма среди подданных⁴⁹.

Привлечение широкого круга неписьменных источников, окружавших человека в повседневной жизни, позволило откорректировать теорию “распада”, выдвинутую еще в межвоенный период. До этого считалось, что причиной распада Австро-Венгрии стал острейший конфликт между национальностями и государственной властью.

Но все оказывалось гораздо сложнее в жизненном пространстве монархии, сложенном из мозаики народов, языков и культур, где органично уживались католицизм, протестантизм, православие и иудаизм. Чаки обосновал понятия “плюрализм” и “взаимодействие”, чтобы подчеркнуть эту центральноевропейскую особенность. Все настолько тесно было переплетено в самосознании широких социальных слоев, что в повседневности трудно было провести четкие этно-национальные границы⁵⁰.

По инициативе Чаки между РГГУ и университетом г. Граца, Комиссией по изучению культуры и театра был разработан проект по сопоставлению культурно-исторических процессов в монархии Габсбургов и Российской империи на рубеже XIX–XX вв. В результате были опубликованы три издания, в которых российские, австрийские, немецкие и швейцарские исследователи сравнивали модели репрезентации власти, коды и символы коллективной идентичности двух государств, динамику и результаты

---

⁴⁷ *Csa'ky M.* Das Gedächtnis der Städte. Kulturelle Verflechtungen – Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien – Köln – Weimar, 2010. S. 129–268.

⁴⁸ *Telesko W.* Das Haus Habsburg und seine dynastischen “Helden” im 19. Jahrhundert. Katalog. Horn – Wien, 2005. S. 67–74; *idem.* Die Rezeption der Ikonographie Kaiser Josephs II im Spannungsfeld tschechischer und deutscher Identitätsstrategien im späten 19. Jahrhundert. – Tagung der Deutsch-Tschechischen und Deutsch-Slowakischen Historikerkommission. Praha, 2007.

⁴⁹ Barock. Ein Ort des Gedächtnisses. Interpretament der Moderne/Postmoderne. Wien – Köln – Weimar, 2007; *Telesko W.* Kulturraum Österreich. Die Identitäten der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien – Köln – Weimar, 2008.

⁵⁰ *Csa'ky M.* Op. cit., S. 37–83.

их модернизаций, национальную политику и местный колорит, сценарии конфликтов и восприятие будущего в среде интеллектуалов и политиков⁵¹.

Славянскую тему одним из первых в австрийской историографии на комплексном уровне выдвинул А. Морич, объединивший исследователей из стран Центральной Европы, Балкан и России. По материалам симпозиумов в альпийском Траттене были опубликованы три издания, в которых анализировалась роль славянской политики и идеологии⁵².

В центре внимания были габсбургские славяне, их внутренние взаимосвязи и внешние контакты, их программы австрославизма и австрофедерализма, которые оценивались как праобраз идей европейской интеграции и “объединений различных национальных территорий”. Австрофедерализм анализировался как своеобразный консенсус австрийских славян во второй половине XIX в., их общая политическая платформа, право на национальное равенство в монархии и одно из первых выражений государственного патриотизма модерна. Он вырос из экзистенциального понимания, что монархия Габсбургов – есть единственное прибежище малых народов, защита от экспансионизма соседних Российской и Германской империй⁵³.

Новые подходы стали активно применяться и в традиционных для австрийской историографии комплексных исследованиях. В 1997 г. началось еще одно крупное издание “Австрийская история: 1804–1914 гг.” под редакцией В. Гервига. Оно отличалось от многотомного проекта по истории Габсбургской монархии не столько концептуально, сколько хронологически (включалась вся первая половина XIX в.), а также большим вниманием к методологическим объяснениям. Наибольший интерес представляет том, написанный Г. Румпельтом, специалистом по австро-германским отношениям⁵⁴. Румпельт дает периодизацию истории монархии в XIX – начале XX вв. в соответствии с классической схемой: Австрия и Французская революция (1790–1809 гг.); Эра Меттерниха (1809–1848 гг.); Революция и реформы (1848–1867 гг.); Блеск и нищета национального либерализма (1867–1903/5 гг.); Дорога к гибели (1903/5–1914 гг.). Обращает внимание выделенный автором период с 1903 г. по 1905 г., когда, по его мнению, потенциал либерального реформирования был полностью исчерпан. Румпельт не отходит от традиционной трактовки монархии как парламентского, конституционного государства, но обращает особое внимание на пределы компромисса императора с либеральными силами.

Центральноевропейский дискурс пронизывает все исследование от концептуальных объяснений национализмов габсбургских народов до роли династии в общеимперском контексте. Это вообще характерно для зарубежных исследований Габсбургской монархии. Изначально во главу угла поставлена идея “центральноевропейской общности”,

---

⁵¹ Модерн. Модернизм. Модернизация. Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX веков: Россия, Австрия, Германия, Швейцария. М., 2004; Механизмы власти. Трансформация политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков. М., 2009; *Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich.* Wien, 2011.

⁵² *Die Slavische Idee.* Bratislava, 1993. S. 11; *Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas.* Wien – Köln – Weimar, 1996; *Der Prager Slavenkongress 1848.* Wien – Köln – Weimar, 2000. S. 3–4.

⁵³ *Moritsch A. Revolution 1848 – Österreichs Slaven Wohin? – Die Slavische Idee.* Bratislava, 1993. S. 5–18.

⁵⁴ *Rumpler H. Monarchisches Prinzip und Ministerverantwortlichkeit in Oesterreich und Preussen 1848–1867. Bericht über den 11. Österreichischen Historikertag in Innsbruck 1971. – Veröffentlichungen des Verbandes österreichischer Geschichtsvereine, № 19, Wien, 1972. S. 68–76; idem. Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. – Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit, № 16–17, Wien, 1990; idem. Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland 1867/71 bis 1914. Wien, 1991; idem. Der “Zweibund” 1879. Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis und die europäische Diplomatie. Wien, 1996; idem. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. – Österreichische Geschichte 1804–1914. Wien, 1997.*

общей социокультурной традиции славян, немцев, венгров, евреев, румын, итальянцев, хорватов, словенцев и русинов, скрепленной скипетром Габсбургов.

Другой том “Австрийская история: 1804–1914 гг.” был написан ученым из Зальцбурга Э. Ханишем⁵⁵. Как признает автор, работа над книгой заняла шесть лет и стала серьезным личным вызовом. Историк смог отойти от традиционного подхода к социальным процессам в Габсбургской монархии, поскольку методологически близок к научной школе Чаки. Неудивительно, что особое значение Ханиш придает рубежу XIX–XX вв., поскольку без его изучения невозможно понять новейшую историю Австрии⁵⁶. Для сравнительного анализа в качестве “референтных моделей модерности” им были выбраны Германская империя и Швейцария.

Анализируя политическую культуру монархии, Ханиш тонко уловил австрийскую специфику, отмечая такие ее черты, как вертикальную социальную иерархию, особую чувствительность к титулам и регалиям, склонность к формальным процедурам. Отсюда – такое огромное внимание к церемониям и общественным презентациям власти, их внешняя декоративность и театральность, свойственная обществам со склонностью к визуализации политики. Особое значение Ханиш придает доминированию личных связей над общественными принципами. В этом он видит феодальные атавизмы и живучесть “абсолютистско-барочной традиции персональной близости к власти имущим”⁵⁷.

Ханиш не ставит под сомнение главную идею австрийской историографии, что Австро-Венгрия была конституционным государством, находившимся на пути к парламентской монархии. Но это было все-таки “государство единоначалия”, где доминировала династия и Австрийский императорский дом с бюрократическо-централистской формой правления. Но она регламентировалась правовыми нормами и парламентской практикой.

Ханиш затронул самый принципиальный для австрийской историографии вопрос – о сущности государственного устройства и сочетании демократических и имперских компонентов⁵⁸. Германская империя, к примеру, смогла осуществить успешную модернизацию экономики и социальной сферы, но политическая модернизация “в понимании демократии модерна” здесь не удалась. Традиционные элиты, находившиеся у власти, заблокировали развитие парламентаризма. В монархии Габсбургов процессы формирования наций имели запоздалый характер. Пошаговая демократизация политической системы после 1882 г. могла бы существенно снизить остроту национальных конфликтов, но новые демократические элиты не были склонны к компромиссам. Их агитация и политические действия только усиливали разобщенность общества⁵⁹.

Интерес представляет комплексная “История Австрии. Культура – Общество – Политика” К. Воцелки, которая выдержала в 2000-е годы четыре издания⁶⁰. Помимо традиционных глав по политической истории, были введены в научный оборот такие темы, как “Образ жизни XIX в.”; “Роль женщин в индустриальном обществе”; “Строительство политических партий”; “Габсбургский миф XIX в.”.

Продолжается издание многотомной “Истории Габсбургской монархии: 1848–1918”. Шестой том был посвящен внешней политике. Первая часть рассматривает правовые, организационные и социальные аспекты деятельности императорско-королевского министерства иностранных дел и его роль в системе государственного управления⁶¹.

---

⁵⁵ *Hanisch E.* Der lange Schatten des Staates. Österreichische gesellschaftliche Geschichte im 20. Jahrhundert. Wien, 1997.

⁵⁶ *Ibid.*, S. 16.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 26–27.

⁵⁸ *Ibid.*, S. 209.

⁵⁹ *Ibid.*, S. 210.

⁶⁰ *Vocelka K.* Geschichte Österreichs. Kultur – Gesellschaft – Politik. München, 2006.

⁶¹ Die Habsburgermonarchie im System der Interationalen Beziehungen. – Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. VI, T. 1–2. Wien, 1989.

Особое внимание обращено на роль пропаганды и “политики в отношении прессы”, которые со времени канцлера Ф. Бойста (1866–1871 гг.) находились под контролем внешнеполитического ведомства. Не менее важное место в системе приоритетов государства играла официальная историография и патриотическое воспитание, защита христианских святынь в Малой Азии и на Ближнем Востоке, развитие “имперского культа” и демонстрация присутствия государственной власти как средства формирования коллективной идентичности⁶². Постановка этих тем показывает неразрывную связь между внутренней и внешней политикой. Впервые в австрийской историографии был обобщен на концептуальном уровне внешнеполитический опыт монархии Габсбургов. На страницах этого издания внешняя политика выступает как сложнейший организм, связанный тысячами нитей с потребностями укрепления государственного единства и постоянным поиском внутреннего баланса сил.

Исследование гуманитарной составляющей в работе императорско-королевского министерства иностранных дел позволило по-новому оценить дипломатические стратегии, которым посвящена вторая часть шестого тома. Внешнеторговые и финансовые интересы были настолько сильно переплетены, что не будет преувеличением констатировать – задачи продвижения австрийских капиталов напрямую определяли внешнеполитический курс. Чем активнее и крупнее становились промышленно-финансовые лоббистские группы в монархии, тем больше государственный курс подчинялся их интересам на всех направлениях – во взаимоотношениях с Германией, Францией, Великобританией, США, в экономической активности Австро-Венгрии на Балканах и в России⁶³.

Названные издания, имеющие комплексный и тематический характер, сочетают в себе, с одной стороны, приверженность к традициям, сложившимся в габсбургских исследованиях, а с другой стороны, существенно расширяют прежние представления о механизмах государственного управления и повседневной реальности. Это позволяет пересмотреть прежде устойчивые представления об остроте конфликта между национальностями и динамике распада монархии, об исключительно элитарной, дипломатической сути внешней политике Габсбургов. Медленно, но последовательно австрийская историография освобождается от иллюзий относительно парламентско-либеральной тенденции имперской политики.

На фоне крупных исследований стало кристаллизоваться критическое направление. Новое поколение австрийских историков пытается реконструировать историческую память общества, в которой столетиями сложились каноны героизации Габсбургов и “славного прошлого”. Отдавая должное функции исторического образования в воспитании гражданской лояльности и патриотизма, они хотят понять, в какие периоды истории и в каких формах происходило формирование великого мифа австрийской историографии – о династии Габсбургов, безупречно служившей отечеству и преумножавшей блага своих подданных⁶⁴.

Появление книги В. Мориц, Х. Лейдингера и Р. Шипплера “Черная книга Габсбургов. Неславная история одного царствующего дома” вызвала большой общественный резонанс и острые дискуссии⁶⁵. В предисловии к книге их академический учитель,

⁶² *Krammerhofer L.* Diplomatie und Pressepolitik 1848–1918. S. 459–495. – Ibidem; *Ramhardter G.* Propaganda und Aussenpolitik. S. 496–536. – Ibidem.

⁶³ *Die Aussenwirtschaftlichen Beziehungen der Monarchie.* S. 537–739.

⁶⁴ *Doppelbauer W.* Zum Elend noch die Schande. Das altösterreichische Offizierkorps am Beginn der Republik. Wien, 1988; *Deckloedt L.R.* G. Imago Imperatoris. Franz Josef I. in der österreichischen Belletristik der Zwischenkriegszeit. Wien, 1995; *idem.* An meine Völker. Die Literarisierung Franz Josephs. Bern, 1998; *Dickinger C.* Habsburgs schwarze Schafe. Über Wüstlinge, Schwachköpfe, Rebellen und andere Prinzen. Wien, 2000; *idem.* Ha-Ha-Habsburg. Eine wirklich wahre Familiengeschichte. Wien, 2001; *Erbe M.* Die Habsburger (1493–1918). Die Dynastie im Reich in den Europa. Stuttgart, 2000.

⁶⁵ *Leidinger H., Moritz V., Schippler R.* Schwarzbuch der Habsburger. Die unrühmliche Geschichte einer Herrscherhaus. Wien – Frankfurt a.M., 2003.

крупный историк Г. Ягшиц справедливо замечает, что династии свойственны не только блистательные успехи, но и темные, насильственные, зловещие действия. Необходимо избавить австрийскую историческую науку от безусловного преклонения перед династией Габсбургов. Появление этой книги – начало нового этапа в австрийской историографии⁶⁶.

На основе многочисленных источников авторы показывают, что абсолютизм и чиновничье упрямство были сильнее готовности к компромиссам и способности к реформам. Авторы жестко и критично анализируют внешнюю политику и приходят к выводу, что Франц Иосиф не обладал дипломатическим даром, ввергая страну в опасные конфликты. “Немыслимой глупостью” названа позиция Австрийской империи в Крымской войне, повлекшей расторжение “союза консервативных держав”. Вена провоцировала враждебность России особенно в балканских делах. После Берлинского конгресса 1878 г. габсбургская “игра в великую державу” ввергла ее в череду тяжелых конфликтов, которые, в конце концов, привели к Первой мировой войне⁶⁷. Столь резкая трактовка габсбургской политики не привилась, но она стала блестящей научной провокацией в бесконечном потоке литературы, воспевающей деяния как отдельных представителей, так и всей династии. Естественно, эта острая книга не прекратила “моду на Габсбургов”, но заявила о необходимости более критичного подхода.

Особо стоит отметить научный вклад в австрийские исследования Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац-Вена-Клагенфурт), ставший за последнее десятилетие одним из крупнейших международных центров не только в Австрии, но и в Европейском Союзе. Хотя значительное количество его трудов посвящено международным процессам XX в., сотрудники института под руководством Ш. Карнера организовали ряд крупных выставок, связанных с историей монархии Габсбургов, которые привлекли большое внимание общественности. Их особенность заключается в выраженной концептуализации тематики, которая проявляется не только в залах экспозиций, но и научных изданиях по материалам каждой из выставок. Такая форма визуализации научных текстов – яркий пример проникновения науки в общественное сознание.

В 2008 г. в австрийском парламенте была открыта многоплановая выставка “Австрия. 90 лет республики”⁶⁸. Материалы экспозиции демонстрировали исторический континуитет между Дунайской монархией, Первой и Второй республиками. В центре внимания находились политические традиции и многонациональность. Было наглядно показано, как важен феномен “монархии Габсбургов” для современной коллективной идентичности Австрии, исторической памяти общества Центральной и Юго-Восточной Европы. По сути, эта выставка подвела черту под 90-летним периодом, когда австрийское общество, преодолевая постимперский синдром, выстраивало новые ценностные ориентиры. Материалы выставки свидетельствовали, что полностью восстановлен исторический континуитет, не осталось “закрытых” тем и “белых пятен” в осмыслении эпох и эпизодов австрийской истории.

Проблема границ в сознании граждан и между государствами была продолжена выставкой “Границы. Без них. Австрия, Словения, Венгрия. 1914–2004”, в которой реконструирована жизнь обществ, их местный колорит в регионе, где сходятся границы трех государств⁶⁹. Концепция экспозиции была ориентирована так, чтобы показать историю одного региона с трех национальных ракурсов – австрийского (штирийского), словенского и венгерского.

Другая выставка была посвящена теме, вызывавшей на протяжении XIX–XX веков самые острые и болезненные дискуссии – взаимоотношениям чехов и немцев. В 2009 г.

⁶⁶ Ibid., S. 8.

⁶⁷ Ibid., S. 48–49.

⁶⁸ Karner S., Mikoletzky L. Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband der Ausstellung im Parlament. Innsbruck – Wien – Bozen, 2008.

⁶⁹ Grenzenlos. Österreich, Slowenien und Ungarn. 1914–2004. Graz – Fehring, 2007.

на австрийско-чешской границе экспозиция “Австрия. Чехия. Разобщенные-разделенные-объединенные” впервые на широком общественном уровне представила сложную историю взаимоотношений двух народов внутри одной “конфликтной общности”⁷⁰. Исторический диапазон охватывал время от раннего средневековья до современности. Концептуально выставка была ориентирована на выявление механизмов и мотивов враждебности в различных исторических контекстах, но одновременно было показано, насколько тесно переплетались судьбы людей, и как много создавали совместно чехи и австрийские немцы.

Итак, на протяжении длительного времени в западной историографии сохранялись ракурсы “множественности” и “цельности”. История монархии Габсбургов описывалась на основе имперского опыта и мультигосударственности. В этой связи можно отметить ряд долговременных тенденций.

Во-первых, историография медленно, но последовательно развивается от упрощенной мифографии к поиску новых исследовательских практик и критическому анализу.

Во-вторых, ключевая тема: “малые народы” и “имперско-бюрократическая власть” претерпевала в разные исторические периоды серьезные концептуальные изменения. Тезис о сильной “этно-языковой” дискриминации и острых национальных конфликтах был отторгнут из круга референтных габсбургских исследований. Национальные дискурсы “малых народов”, вбирающие память об исторических травмах и отстаивании собственного достоинства в отношениях с “большими” (титульными) народами, не получили значительного развития. Осмысление феномена многосоставного государства скорее развивается в направлении дискуссий о критериях и пределах его демократизации. Реконструкция его истории выстраивается в соответствии с политическими циклами – от абсолютизма до полицейского государства, а затем через конституционный компромисс 1867 г. к парламентской монархии. Соответственно базовые концепты – “парламентаризм” и “конституционная монархия” занимают особое место в научных исследованиях. Однако этот исторический опыт все же имел четко заданные пределы, перейти которые власть императора не могла. Идея демократического устройства и национального равенства была, по меткому выражению Р. Канны, чем-то вроде священного Грааля, за которым не переставали охотиться поколения политиков.

В-третьих, для западной историографии характерен консенсус в использовании терминов и понимании самого объекта исследования. Общеупотребимым стало понятие “Габсбургская (или Дунайская) монархия”. Сознательный отказ от частого использования термина “империя” в изучении Австро-Венгрии объясняется общей установкой, согласно которой по своим внутренним качествам это государство не могло быть классической империей, такой, как Германская или Российская. В правовом и общественном пространстве Австро-Венгрии существовало немало формальных и неформальных практик сдерживания единоличных решений императора.

В итоге, в габсбургских исследованиях удалось реализовать три уровня анализа. На микроуровне идет изучение повседневности, “австрийского человека”, его мира и эмоций. На мезоуровне реконструируется социальная реальность, ценностные ориентиры и модели поведения групп и общественных объединений. На макроуровне осмысливается противоречивое сочетание процессов национальной и государственной интеграции и фрагментации.

---

⁷⁰ Karner S., Laussegger A., Lesiak P., Stehlik M. Österreich. Tschechien. Geteilt – Getrennt – Vereint. Graz – Wien – Klagenfurt, 2009.